

А.Ю. Мамычев¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

А.Д. Уханов²

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва. Россия

Социокультурное измерение институциональных и функциональных характеристик публично-властных отношений*

Объектом исследования настоящей работы являются властные отношения в политическом процессе современного общества, а его предметом – институциональные, функциональные и социокультурные характеристики публично-властных отношений в контексте государственно-правовой организации общества. Авторы обосновывают гипотезу о том, что государственная власть как вид публичной власти имеет «собственное» институционально-функциональное измерение, не совпадающее с функциями государства и структурно-функциональными признаками государственного аппарата. Особое внимание в работе уделяется социокультурной адекватности функционирования государственной власти. В работе использованы всеобщие, общенаучные и специальные методы. Среди всеобщих методов следует выделить системный подход, диалектико-материалистическую методологию, а также диспозитивный метод и антропологический подход, которые применяются для рассмотрения феномена публичной власти в социокультурном контексте. В работе обосновывается, что исследования властных отношений с современным обществом разворачиваются в различных регистрах мысли и контекстах, однако в рамках политико-правовой организации общества ключевыми характеристиками публично-властного взаимодействия являются институциональность и функциональность. Последние рассматриваются как с универсальной (общеродовой), так и специфической (социокультурной) точек зрения. При этом аргументируется, что институциональность, функциональность и социокультурная адекватность являются ключевыми качественными характеристиками государственной власти. Их комплексный анализ позволяет «преодолеть» ограниченность формально-юридического и структурно-функционального подходов к интерпретации государственной власти.

Ключевые слова и словосочетания: власть, государство, институт, политика, политический процесс, политическая система, социокультурность, общество, современное общество, функции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6

¹ Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории российского и зарубежного права; e-mail: mamychev@yandex.ru.

² Уханов Антон Дмитриевич – магистрант 1 курса факультета права; e-mail: vin-chun.95@list.ru.

A.Yu. Mamychev¹

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

A.D. Ukhanov²

National Research University "Higher School of Economics"

Moscow. Russia.

Sociocultural dimension of institutional and functional characteristics of public power relations

The object of this study is power relations in the political process of modern society, and its subject is the institutional, functional and sociocultural characteristics of public power relations in the context of the state-legal organization of society. The authors substantiate the hypothesis that the state power as a kind of public authority has a "proper" institutional and functional dimension that does not coincide with the functions of the state and the structural and functional features of the state apparatus. Particular attention is paid to the socio-cultural adequacy of the functioning of state power. General, general scientific and special methods are used in the work. Among the universal methods it is necessary to distinguish the systemic approach, the dialectical-materialistic methodology, as well as the dispositive method and the anthropological approach, which are used to consider the phenomenon of public authority in a sociocultural context. The paper substantiates that research power relations with modern society unfolds in various registers of thought and contexts, however, within the political and legal organization of society, the key characteristics of public-power interaction are institutionality and functionality. The latter are considered both from a universal (general-purpose) and specific (sociocultural) points of view. At the same time, it is argued that institutional, functional and sociocultural adequacy are key qualitative characteristics of state power. Their comprehensive analysis allows us to "overcome" the limitations of the formal legal and structural-functional approaches to the interpretation of state power.

Keywords: power, state, institution, politics, political process, political system, social culture, society, modern society, functions.

Введение

Властные отношения – это *отношения* между социальными агентами. Конечно, в эти отношения могут быть вовлечены природные (пространство, ландшафт, архитектура и проч. [14]), материальные (вещи, технологии, машины [15, 6, 18, 13]) объекты, а само властное взаимодействие разворачивается на конкретно-историческом фоне [23] и в специфических социокультурных контекстах [26]. В то же время в рамках политико-правовой организации общества ключевыми характеристиками властного взаимодействия являются институциональность и функциональность.

¹ Mamychev Alexey Yurievich – Doctor of Political Science, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law; e-mail: mamychev@yandex.ru.

² Ukhanov Anton Dmitrievich – Master of 1 course of the Faculty of Law; e-mail: vin-chun.95@list.ru.

Например, еще дореволюционный юрист и философ права Н.Н. Алексеев отмечал, что в рамках публично-властной организации «государство можно определить как властное отношение между личностями. Этот элемент власти есть одно из самых обычных явлений в междуличных отношениях. Эмпирически мы его наблюдаем повсюду». При этом реализующиеся в обществе властные отношения в большей степени, чем какие-либо другие, характеризуются институциональностью и четко определенной функциональностью, которые рассматриваются в качестве неразрывных и взаимосвязанных свойств государственной власти: «образуя так называемые учреждения властвования, приобретаая разумную, нравственную и правовую форму» [1, с. 151].

Именно поэтому, если в ряде социальных наук происходит отказ от понятия «субъект» в пользу более «свободных» и «нейтральных» категорий – актер, актант и т.п. [2], то в контексте государственно-правовой организации теоретико-концептуальное и практическое описание политических и юридических процессов идет в «субъективно-ориентированной методологии». Действительно, в этом контексте субъект, реализующий публичную власть, характеризуется, прежде всего, четкой институционально-правовой оформленностью своей «властной позиции» и однозначным закреплением функционального характера «властной активности» в законодательных актах [4].

Исследовать публичную власть например, государственную власть, следует не только в качестве социокультурного феномена, но и в контексте ее институционально-правовой организации. Следовательно, политико-правовой срез проблемы позволяет адекватно описать институциональные и функциональные характеристики ее функционирования в современном политическом процессе. Так, по мнению известного дореволюционного правоведа Н.М. Коркунова, «те, за кем признаются права на распоряжение властью, суть органы (т.е. воспринимаются не как личности, а как представители безличных институтов, органов власти – *авт.*) власти; выполняемые этими органами действия составляют функции государственной власти» [12, с. 456]. В современных исследованиях вообще говорится о сверхинституциональном характере государственной власти, эта «сверхинституциональная власть в значительно *большей степени*, чем другие формы власти, то есть институциональная власть» [8, с. 545]; она «является организацией организаций», «институциональной организацией институтов» [19, с. 18].

Проанализируем в этом аспекте институциональность, функциональность и социокультурность как ведущие качественные характеристики публичной власти на примере власти государственной, как одного из видов этой общеродовой категории.

Основная часть

В контексте эволюции политической организации общества – от раннеклассовых городов-государств до современных политических организаций – трактовка сущности государственной власти, ее форм и содержания рассматривалась именно через институциональные и функциональные характеристики, причем преимущественно как безличное или, скорее, сверхличное начало. В данном случае следует

сделать одно важное теоретико-методологическое замечание, связанное с тем, что даже в патриархальном, теократическом и монархическом понимании власти, где личностному аспекту уделялось наибольшее значение, государственная власть трактовалась в сверхличностном, институциональном плане.

Здесь важно не отождествлять власть отца, священника, жреца, монарха собственно с политическим управлением, поскольку власть, которой наделялся любой из вышеобозначенных, по своей сущности и содержанию не совпадала с пониманием власти, реализуемой в управлении государством. Неслучайно одними из фундаментальных признаков государственной власти являются публичность и специализированность. Мы знаем, например, что уже в раннеклассовых организациях государственная власть оформляется через «отделение» от общества, превращение ее в относительно самостоятельный (уровень которой, т.е. границы этой самостоятельности, в каждую эпоху разный, определяется конкретно-историческими социально-нормативными регуляторами, ценностями, целями, задачами и т.п.) публичный аппарат (институт) управления, который функционально специализируется только на регламентировании общественных процессов [23].

Справедливо в этом плане отмечает В.Я. Любашиц, что в качестве «маркера» этих границ в эволюционных стадиях служит смена кода нормативных структур. Это своего рода институционализация кодов нормативного порядка, определяющих границы функционирования государственной власти и управления. Причем смена системы социальных функций ведет к модификации как этих нормативных кодов, так и границ функционирования государственной власти, в конечном итоге «к модификации или появлению нового политико-правового режима. Политико-правовые режимы тем самым концептуализируются через системы социальных функций» [27].

В свою очередь, рассмотрение институционально-функциональных характеристик государственной власти имеет как теоретическую, так и очевидную практическую ценность, поскольку последние не только уточняют, конкретизируют социальную сущность, роль и назначение государственной власти, характер деятельности механизма государства (системы органов и структур), но и отражают ее разнообразные направления, приоритеты функционирования и разносторонние виды деятельности. Однако здесь следует сделать ряд важных теоретико-методологических замечаний.

Во-первых, институт и функция неразрывны, взаимообуславливают друг друга. И институт как стандартизированная и устойчивая социально-культурная форма взаимодействия людей в различных сферах (политической, юридической, экономической, духовной и т.п.) всегда связан с реализацией определенной «жизненно важной функции» (Б. Малиновский).

В этом плане институт и, в частности, те или иные властные институты трактуются с точки зрения «широкого подхода», разрабатываемого в исследованиях так называемого неинституционального направления (или нового институционализма) анализа политического процесса. В этом контексте институт понимается не только как формальные и устойчивые правила, процедуры и нормы, но и как

символическая система, когнитивные сценарии и духовно-нравственные образцы (например, публичного взаимодействия личности, общества, государства), которые воспроизводят «рамки значения», управляющие мыследеятельностью человека, их взаимодействием [25].

Поэтому, с точки зрения известного исследователя Р. Мертона, анализ функций и институтов должен представлять собой «единый системный процесс», поскольку любое общество институционально и функционально едино. В государственно-властном измерении функция должна рассматриваться как элемент единой системы функций в определенной институциональной публичной организации общества, вне этой системы и организации «понятие функции не имеет реального смысла» [17, с. 120-121].

Следовательно, существующие функции и реализующие их институты являются важными и обязательными для общественной системы, т.к. «если они не будут выполнены, общество не сохранится» [17, с. 122-123]. Перефразируя Мертона, можно сказать, что институциональность и функциональность публичной власти – это необходимые признаки ее существования и непереносимые условия ее функционирования в обществе. Следовательно, институциональность и функциональность публичной власти – это те социально-культурные и политико-правовые формы, которые необходимы для ее «социальной репрезентации».

Во-вторых, в политической, юридической и социологической теории функции государственной власти, как таковые, *вообще не анализируются*, поскольку проблема функций государственной власти, как правило, рассматривается как разновидность вопроса о формах и направлениях деятельности государства. Лишь эпизодически исследователи, анализирующие сущность государственной власти и ее функционирование, ставят вопрос: «есть ли необходимость выделять функции власти, поскольку давно устоялось понятие функции государства?» [7, с. 57].

В большинстве случаев, конечно, вопрос решается в пользу отождествления функций государственной власти и функций государства. В редких случаях утверждается обратное, а именно: государственная власть находит свое проявление в присущих ей функциях, которые не совпадают, содержательно отличаются от функций государства [10]. С нашей точки зрения, вопрос должен стоять иначе: изначально не следует сосредоточивать внимание на различии функций государственной власти и государства. Думается, вернее начать анализ с рассмотрения функциональных свойств (как определенных качественных характеристик явления) последних, а по ним очевидно, что функциональные характеристики государственной власти и государства не совпадают по содержанию и объему (о чем будет более подробно указано ниже).

Другой аспект рассматриваемой проблематики заключается в том, что исследование современной публично-властной организации невозможно и без социокультурного аспекта. Об этом измерении публично-властных отношений в последнее время выходит достаточно много исследований [21, с. 31–50]. Однако проблемным вопросом остаётся взаимосвязь институциональных и функциональных характеристик публичной власти с ее социокультурным измерением. Так,

с позиции социокультурной теоретико-концептуальной установки политического мышления обосновывается тесная «связка» институциональных и функциональных характеристик публичной власти с социально-культурными условиями и структурно-процессуальными аспектами общественного взаимодействия.

В этом аспекте сущность и функции институтов государственной власти неразрывно связываются с социально-культурным опытом, нормативно-ценностной моделью конкретного общества, спецификой и характером общественного взаимодействия. При этом доказывается, что ее функционирование напрямую связано с условиями и социальным контекстом, которые способствуют институционализации определённой модальности властных отношений, специфической конфигурации публично-правовых институтов власти и системы социальных представлений о них, требований и ожиданий от функционирования последних. Все это в совокупности образует определённый культурный текст эпохи, внутри которого «считывается», развивается и изменяется институционально-властная практика.

Так, функции власти, в частности государственной власти, для Т. Парсонса связаны с тем, что она является обобщенной способностью, поддерживаемой действующими институтами (выражающими коллективные цели, интересы, потребности), которая состоит в том, чтобы «добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции» [20].

Здесь сущность как самой власти, так и ее институциональной конфигурации и функциональной направленности связывается с социальными отношениями, являющимися источниками возникновения всяких институций, реализуемых ими функций в обществе, а также выступающими факторами эволюционной динамики институциональной организации общества. Например, в социологическом варианте осмысление власти и функционирования организующих и реализующих ее публичных институтов связывается напрямую с социальными отношениями, которые:

1) снимают традиционные властные проблемы (например, какие классы стоят у власти, кто кем управляет, как ограничить власть определенных субъектов и т.п.), «в социологическом варианте власть производится и действует в социальных отношениях... в ней проблемы класса и власти испаряются» [22];

2) акцентируют внимание на ресурсе обмена и постоянного перераспределения, на качестве властных отношений и проч. Например, политологи Дж. Бьюкенен и Д. Таллок в этом контексте указывают, что «этот подход включает политическую деятельность как специфическую форму социального обмена... взаимная выгода для всех сторон предположительно вытекает из коллективных отношений. Поэтому во вполне реальном смысле политическое действие считается средством, которое позволяет увеличить власть всех участников, если мы определяем власть как способность управлять вещами, желательными для человека» [24, р. 23].

Так, политического социолога П. Бурдье, в противовес традиционному принципу политического мышления, больше интересует не сам субъект властных

отношений как элемент определённой институциональной структуры, а условия и институциональные практики, обуславливающие его действия. Как правило, при традиционном подходе исследователь встает в объективную позицию, интерпретируя и комментируя субъекта как частицу (элемент) структуры, абстрагируя его от социального действия и лишая на уровне обобщенного анализа познавательной активности и роли случайных отклонений в его деятельности. У Бурдьё социальный актор выступает как сознательно действующий в рамках определенного социального поля, подчиняясь конкретным институциональным правилам и социально-властным стратегиям.

Такая социальная диспозиция (габитус) актора в конкретном поле социоментальной структуры позволяет классифицировать и продуцировать специфические виды властных практик. Эта включенность в политический дискурс, с одной стороны, способствует процессу успешной политической социализации, а с другой – создает возможность для эффективного действия и принятия решений. С этих позиций в реализации публичной власти, по его утверждению, в основном используется «*акт официальной номинации*», т.е. «акт символического внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса, здравого смысла, поскольку он совершен через доверенное лицо государства, обладателя монополии на легитимное символическое насилие» [4, с. 72].

С точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана, в функциональные характеристики публичной власти входит не только поддержание определенного социального порядка и сложившейся институциональной структуры общества, но и, главным образом, обеспечение посредством властных институций *интерсубъективного социального мира* с присущим ему «объективным»/«признанным» корпусом знания. Значимость последнего обусловлена тем, что «реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу... Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями» [3, с. 55].

Любой институт, обеспечивающий социальный порядок, по утверждению исследователей, это опривыченная мыследеятельность людей, именно она выступает источником становления различных социальных институтов и фактором их общественного генезиса: «*Всякая человеческая деятельность подвергается хабитуализации (т.е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознано как образец его исполнителем... Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода, иначе говоря, любая такая типизация есть институт*». С этой точки зрения любой политический институт, политический порядок в целом всегда историчен и уникален, формируется в конкретных социально-культурных условиях и функционально определен именно этими условиями: «*Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан. Кроме того, институты уже благодаря самому факту их существования контролируют*

человеческое поведение, устанавливая predetermined его образцы, которые придают поведению одно из многих теоретически возможных направлений» [3, с. 90-94].

Данные теоретико-методологические установки являются основой и в политической концепции Джона Грея, который утверждает, что проект обустройства политической жизни общества – это не просто набор эффективных принципов, средств и институтов, утверждающих рационально организованный порядок отношений, но, прежде всего, целостный образ жизни. Поэтому, с его точки зрения, не может существовать единой, годной для всех идеально-типичной модели политических, государственных, экономических и социальных институтов, способных организовать эффективный и стабильный порядок: «Есть разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в плодотворной почве культуры, присущей определенной общности». И, следовательно, институты, «не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны» [9, с. 115]. Другими словами, стабильность и легитимность политических и государственных институтов будут зависеть от того, насколько данные формы организации и результаты их функционирования остаются этически, культурно и экономически приемлемыми для основной массы населения.

Кроме того, в рамках социокультурного измерения институционально-функциональных характеристик публичной власти обосновывается, что «содержание» публично-властных отношений, их институционализация в определенные политические структуры, детерминирующие процесс государственного управления, зависят от типа общества, основанного на конкретно-исторической специфике социально-экономических отношений.

В этом аспекте «власть в обществе, конечно, следует изучать не только с точки зрения неспецифической, надорганизованной власти организованных элит, но и с точки зрения самой формы организации, особенно формы организации труда, который различается по типу и объему господства и независимости, но марксистский акцент на эксплуатации и классе связан с рассмотрением власти лишь в общем понимании последней... Определение власти с точки зрения ответственности, выбора и согласия и разграничения между судьбой, принуждением, авторитетом, манипулированием и властью присущи субъективистскому дискурсу и как таковые лежат за рамками собственно марксистского анализа. Последний начинается не “с точки зрения действующего лица”, а с точки зрения разворачивающихся социальных процессов» [22].

Здесь важны не только структуры, обеспечивающие определенную конфигурацию властных институций и функциональную направленность, но и процессы воспроизводства властных отношений в обществе. Например, известный исследователь природы власти и властных отношений С. Льюкс по этому поводу замечает, что «капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только

прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение» [16, с. 163].

Иными словами, в функциональные обязанности институтов государственной власти как особой структуры, порожденной сложившейся системой социально-экономических отношений, входят производство и воспроизводство публичных отношений, поддержание определенной формы господства и типа государственно-правовой организации.

При этой политической установке исследовательская практика, направленная на анализ институциональных и функциональных характеристик государственной власти, связана с такими вопросами, как «какое общество, какие фундаментальные отношения воспроизводятся? При помощи каких механизмов? Каковы роль структуры и действия (или бездействия) государства (или местных органов власти) в этом процессе воспроизводства – способствуют ли они ему, просто делают его возможным или мешают ему? Анализ воспроизводства дает возможность ответить на вопрос о том, как связаны между собой в обществе различные проявления власти, даже если не существует никакой осознанной межличностной связи... факт воспроизводства особой формы эксплуатации и господства служит свидетельством классового правления и важным аспектом власти в обществе» [22].

Стержневой проблемой в рассмотрении институциональных и функциональных характеристик государственной власти являются вопросы влияния государства на производство и воспроизводство определенных типов властных отношений и форм публично-властной организации общества. Поскольку в государственной структуре механизмы этого (вос)производства получают официальное закрепление и нормативную поддержку, само правление одного класса, элитарной группы и т.п. осуществляется посредством институтов государственной власти. И, по убеждению Г. Тербона, в этом подходе главным итогом исследовательской практики является формирование типологии государственного вмешательства и типологии государственных структур, обеспечивающих это (вос)производство отношений и типа организации [22].

Выводы

В завершение отметим, что анализ институционально-функциональных характеристик государственной власти имеет очевидную теоретико-практическую ценность, поскольку они не только уточняют, конкретизируют социальную сущность, роль и назначение данного вида публичной власти, характер деятельности механизма государства (системы органов и структур), но и отражают её разнообразные направления, приоритеты функционирования и разносторонние виды деятельности. При этом институт и функция неразрывны, взаимообуславливают друг друга, а институциональность и функциональность государственной власти – это необходимые признаки её существования и неперемные условия её функционирования в политическом процессе, обусловленные социально-культурными и политико-правовыми формами. В качестве частной проблемы, которая требует отдельного исследования, выше было обозначено, что функции государственной

власти как таковые вообще не анализируются, поскольку проблематика функций последней, как правило, рассматривается в аспекте форм и направлений деятельности института государства (т.е. функций государства). Однако институциональные и функциональные свойства (как определённые качественные характеристики явления) государственной власти не совпадают по своему содержанию с функциями государства.

1. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 2008. 486 с.
2. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос. 354 с.
3. Бергер П., Томас Л. Социальное конструирование реальности. М., 1995. 334 с.
4. Бердые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. 720 с.
5. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. 336 с.
6. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. Т. 27, №2. С. 1–48.
7. Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982. 194 с.
8. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. М., 2002. 832 с.
9. Грей Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М., 2003. 368 с.
10. Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма ее осуществления // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 89–90.
11. Жувенель, Б. де. Власть: естественная история ее возрастания. М., 2011. 546 с.
12. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. 456 с.
13. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.
14. Ло Дж. Объекты и пространство // Социологическое обозрение. 2006. Т.5. № 1. С. 30–42.
15. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015. 352 с.
16. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М., 2010. 240 с.
17. Мергон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
18. Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247.
19. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
20. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 479.
21. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2006. 559 с.

22. Тербон Г. Что делает правящий класс. Когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе // *Логос*. 2003. № 6. С. 76–84.
23. Baranov P.P., Mamychyev A.Y., Ovchinnikov A.I. Management of the conservative political platform of the transformation public-power organization in Eurasia // *International Review of Management and Marketing*. 2016. No 6 (S6). P. 241–246.
24. Buchanan J., Tullok G. *The Calculus of Consent*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962.
25. Hall P., Taylor R. Political science and three new institutionalisms // *Political studies*. 1996. Vol. 44. P. 947.
26. Lyubashits V., Mamychyev A., Mordovcev A., Vronskay M. The social-cultural paradigm of state authority // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. No 6 (36). P. 301–306.
27. Lyubashits V.Y., Mamychyev A.Y., Vronskaya M.V., Timofeeva A.A. Socio-economic and Public-power Aspects of the State and Society Relations in Modernizing Russia // *International Review of Management and Marketing*. 2016. No 6 (S6). P. 116–120.

Транслитерация

1. Alekseev N.N. *Ocherki po obshchei teorii gosudarstva. Osnovnye predposylki i gipotezy gosudarstvennoi nauki*. M., 2008, 486 p.
2. Bad'yu A. *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkii traktat po metapolitike*. M.: Izd-vo Logos, 354 p.
3. Berger P., Tomas L. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti*. M., 1995, 334 p.
4. Berd'e P. *O gosudarstve: kurs lektsii v Kollezhe de Frans (1989–1992)*. M., 2016, 720 p.
5. Burd'e P. *Sotsiologiya politiki*. M., 1993, 336 p.
6. Vakhshain V. *Peresborka povsednevnosti: bespilotniki, lify i proekt PkM-1*, *Logos*, 2017, vol. 27, No 2, pp. 1–48.
7. Vitchenko A.M. *Teoreticheskie problemy issledovaniya gosudarstvennoi vlasti*. Saratov, 1982, 194 p.
8. Gomerov I.N. *Gosudarstvo i gosudarstvennaya vlast'*. M., 2002, 832 p.
9. Grei Dzh. *Pominki po prosveshcheniyu: politika i kul'tura na zakate sovremennosti*. M., 2003, 368 p.
10. Grigoryan L.A. *Sotsialisticheskaya gosudarstvennaya vlast' i predstavitel'naya forma ee osushchestvleniya*, *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1969, No 3, pp. 89–90.
11. Zhuvenel', B. de. *Vlast': estestvennaya istoriya ee vozrastaniya*. M., 2011, 546 p.
12. Korkunov N.M. *Lektsii po obshchei teorii prava*. SPb., 2003, 456 p.
13. Latur B. (2012) *Politika ob'yasneniya: al'ternativa*, *Sotsiologiya vlasti*, 2012, No 8, pp. 113–143.
14. Lo, Dzh. *Ob'ekty i prostranstvo*, *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, vol. 5, No 1, pp. 30–42.
15. Lo, Dzh. *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka*. M., 2015, 352 p.
16. L'yuks S. *Vlast': Radikal'nyi vzglyad*. M., 2010, 240 p.
17. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. M., 2006, 873 p.
18. Mol A. *Mnozhestvennoye telo*, *Sotsiologiya vlasti*, 2015, No 1, pp. 232–247.

19. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. M., 1997. 180 p.
20. Parsons T. O ponyatii «politicheskaya vlast'», *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli*, M., 1997, vol. 2, p. 479.
21. Solov'ev A.I. Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii. M., 2006, 559 p.
22. Terbon G. Chto delaet pravyyashchii klass. Kogda on pravit? Nekotorye razmyshleniya o razlichnykh podkhodakh k izucheniyu vlasti v obshchestve, *Logos*, 2003, No 6, pp. 76–84.
23. Baranov P.P., Mamychev A.Y., Ovchinnikov A.I. Management of the conservative political platform of the transformation public-power organization in Eurasia, *International Review of Management and Marketing*, 2016, No 6 (S6), pp. 241–246.
24. Buchanan J., Tullock G. The Calculus of Consent. Ann Arbor: *Univ. of Michigan Press*, 1962.
25. Hall P., Taylor R. Political science and three new institutionalisms, *Political studies*, 1996, vol. 44, p. 947.
26. Lyubashits V., Mamychev A., Mordovcev A., Vronskay M. The social-cultural paradigm of state authority, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, No 6 (36), pp. 301–306.
27. Lyubashits V.Y., Mamychev A.Y., Vronskaya M.V., Timofeeva A.A. Socio-economic and Public-power Aspects of the State and Society Relations in Modernizing Russia, *International Review of Management and Marketing*, 2016, No 6 (S6), pp. 116–120.

© А.Ю. Мамычев, 2017

© А.Д. Уханов, 2017

Для цитирования: Мамычев А.Ю., Уханов А.Д. Социокультурное измерение институциональных и функциональных характеристик публично-властных отношений // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 3. С. 144–155.

For citation: Mamychev A.Yu., Ukhanov A.D. Sociocultural dimension of institutional and functional characteristics of public power relations, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 1, pp. 144–155.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-3/144-155

Дата поступления: 28.08.2017.